

Эти рассказы и эссе на тему «Осень» были созданы в процессе творческой импровизации финалистами секции прозы Всероссийского семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России – Приволжье», прошедшего в сентябре 2023 года в Оренбурге. Каждый из авторов сочинил свой текст за 15 минут.

Александр Рязанцев (Москва)

Осенний холод

Каждый раз, когда наступала осень, у Кирилла Легова начинали мёрзнуть пальцы. До боли.

Он отрывался от работы, настойчиво тёр костяшки и фаланги, добывая из них огонь, затем десяток раз отжимался и приседал, надевал на старого полуслепого бульдога Борьку потёртый кожаный ошейник и шёл гулять в Битцевский парк. Вернувшись, писатель заходил в ванную и стоял у раковины, держа руки под горячей водой. Когда пальцы начинали напоминать рыхлое крабовое мясо, Кирилл выключал воду, вытирал руки полотенцем, заваривал китайский красный чай и возвращался к компьютеру.

Его ждал недописанный рассказ. Кирилл смотрел на монитор, пытаясь согреть пальцы о кружку; вглядывался в буквы, холодные, электронные; затем, вздохнув, притягивал к себе

стопку офисной бумаги, тайком принесённой с работы, брался за ручку и чувствовал, как по стержню стекает вода.

Она капала на покрытые записями листы; текст становился влажным, неубедительным. Кирилл пугался и суетно переходил из спальни в гостиную, из гостиной в кухню, а из кухни обратно в спальню, то и дело аккуратно перешагивая через сопевшего на полу сопливого Борьку.

Большие, мутные капли стекали с пальцев на слегка потрескавшийся бульдожий нос. Борька ничего не чувствовал; он храпел, слегка высунув язык, а капли воды скатывались с носа и бесшумно падали на пол.

Кирилл возвращался к рассказу; вода капала с пальцев на листы, сильно пахнущие чернилами, и писатель уже с трудом различал, что написано на бумаге. Тихо зарывчав, он отбрасывал ручку, тёр старую мозоль на среднем пальце, морщился от запаха разбавленных чернил и придвигал к себе клавиатуру. Вода продолжала течь; капли

становились струями и замерзали, за несколько секунд превращая клавиши в кусочки льда.

Техника не спасала: ненаписанные слова рассказа плавали в воздухе, будто кусочки стекла, и резали кожу.

Кирилл устало вздыхал, потирал покрывшиеся льдом кончики пальцев и смотрел в окно, на светлую красно-зелёную осень с её умирающими, будто морские звёзды на египетском пляже, листьями, грибными дождями и следами бульдожьих лап.

Кирилл чувствовал, как холод медленно перебирается с пальцев в сердце. Даже проголодавшийся Борька, потерявший половину зубов, но так и не разучившийся приносить хозяину пустую миску, зажатую во всё ещё крепкой пасти, не мог отвлечь Кирилла от ощущения сковывающего горло холода. Сердце билось часто-часто. Оно дрожало.

А потом приходило вдохновение. Легко, будто снежинка. Осенний холод грыз сердце, но как бы глубоко ни вонзались его плавающие в крови зубы, он становился всё слабее — день за днём, неделя за неделей. Доселе водный текст, мутный и хлипкий, будто болотная тина, наполнялся смыслом. Слова становились в ровный ряд и маршировали, следуя за глаголом, и сокрытая в рассказе тайна всплывала на поверхность, зажатая в крепких пальцах разбросанных по рассказу фактов.

Кирилл улыбался и чесал за ухом уснувшего под ногами Борьку. Рассказ был готов. Новая клавиатура лежала на столе, а монитор хитровато подмигивал.

Лёд таял, пальцы наполнялись кровью, и вода больше не стекала с их кончиков. Сердце билось спокойно, ровно — ток-ток, ток-ток.

Оно было готово к зиме.

Анна Звёздкина (Нижний Новгород)

Клубника в сентябре

Сентябрь выдался тёплый, похожий на май. У меня на даче зацвела клубника. Мне стало радостно от этого кусочка весны посреди неминуемого увядания. Я засматривалась на маленькие, скромные, белые цветочки, такие трогательные в своей несвоевременности. Где-то на их месте уже даже показались шершавые салатовые бусинки — предвестники ягод.

Я не так уж хорошо разбиралась в садоводстве. В отличие от моих соседей, дачные участки которых пребывали в идеальном состоянии. «Садоводы-отличники», — шутила я. Отличница из отличниц Ирина Ивановна даже имела образование агронома.

Забора между нашими участками было не предусмотрено по правилам пожарной безопасности, и Ирина Ивановна беспре-

пятственно блуждала взглядом по территории моей дачи.

— У вас клубника зацвела, видите? — обратилась она ко мне с чрезвычайно серьёзным видом.

— Да, в сентябре-то. Здорово, правда? — улыбнулась я в ответ.

— Ничего хорошего, — продолжала соседка назидательным тоном. — Цвет надо оборвать. Вся сила чтоб в листья да корни пошла. Цветы осенью — бесполезное дело. Урожаю помеха.

Дельный совет. Но почему же я не смогла ему последовать? Почему эти глупые, бесполезные осенние цветочки для меня оказались важнее, чем грядущий в следующем сезоне урожай? Рука так и не смогла их оборвать. Пусть уж лучше осенний холод станет их убийцей, только не я.

Никита Ковалев (Оренбургская область)

Фонарная серенада

Стоял ветреный октябрьский вечер. Городской парк пустовал, и лишь редкий стук копыт разрезал окутавшее то место безмолвие. По одной из дорожек ехал свадебный экипаж. Извозчик сонливо дёргал поводья, и смешки молодожёнов, которые в обнимку куксились у него за спиной, рисовали на бородатом лице мужчины умиление. Впереди подрагивала под падающими листьями гладь пруда. На берегу стояли скамейки и маленькая

сцена, где с утра до ночи зарабатывал на жизнь шарманщик. Но тогда по какой-то причине музыканта не было, и берег пустовал.

С каждой загорающей на небе звездой становилось всё холоднее. Извозчик втянул пальцы в рукава ветхого тулупа, однако на тропу, ведущую к выезду из парка, не свернул. Он взбодрил себя да еле ковыляющего жеребца звучным «Но!», с улыбкой крикнул молодожёнам: «Горько» — и повёз их дальше, вглубь лощины.

А фонари продолжали освещать ему путь до самого рассвета.

Анастасия Старцева (Москва)

Морфология русской сказки

На влажной доске крошащимся мелом выведена тема лекции. За кафедрой восседает седой профессор в плотно прижатых к глазам золотых очках с узкими стёклами.

— Кто скажет мне, за что поэты так любят осень?

Он подошёл к освещённой уличным фонарём оконной раме и присел на подоконник.

— За сказочность! — выпалил кто-то догадливый.

— Возможно, — лукаво улыбнулся профессор, — а если ещё подумать?

Молчаливые взгляды бродили по аудитории.

— Признаюсь вам: я тоже не знаю ответа, — он снял очки и положил на подоконник, — но мне хочется рассказать вам красивую историю об одном мифическом существе. Конечно, в сознании творческих людей в поэтический образ облекается всё окружающее, особенно природа.

И мы с вами счастливы одним тем только, что живём в России, — в наших глазах отражается вся палитра возможных в мире красок: зима, весна, лето, осень... В вечно тёплых южных странах давно ходили легенды, что Осень нашей полосы — отдельное место на земле — страна закатного солнца; богаты мы с нашим климатом на такие легенды. Было там сочинённое поверье о жар-птице, одной из обитательниц нашей вечной страны. Будто нам приносят осень жар-птицы на своих крыльях. Они рождаются совершенно прозрачными, но потом их обжигает солнце — ради того, чтобы раскрасить мир. Почему в сказках так любили жар-птиц, так стремились их поймать? Представьте себе существо, готовое почти сгореть ради блеска и красоты мира!

Он оглядел виднеющуюся из окон часть тёмного сада, начинающих скучать в ожидании лекции студентов и вернулся за кафедру.

— А впрочем, всё риторика. Записали тему?

Мария Призьякова (Ленинградская область)

Будет тепло!

«Осень — печальная пора», — услышала я краем уха. И всей душой не согласилась: осень — прекрасная пора!

Особенно когда в неожиданные +24 стоишь под жарящим солнцем. Жмуришься, плависься — но стоишь. Греешься. И радуешься юбке и сандалиям на босу ногу.

Или когда впереди долгожданная поездка, и новые знакомства, и новые чудеса: жизнь, которая идёт вперёд и не останавливается от смены времён года.

Так я думала, катя свой чемодан к автобусной остановке. Осень настолько плавно сменила лето, что я не взяла в поездку ни одной по-настоящему тёплой вещи. А что, может, и правда: если не манить холода тяжёлыми куртками и шапками, они и не придут?

Было темно и поздно. Чемодан катился, чуть погромыхивая на рытвинах асфальта. Ветер раздувал мои широкие штаны, трогая ноги прохладными пальцами. «Да, осень всё-таки дует, — почувствовала я. — Можно было капроночки поддеть... — но тут же одёрнула себя: — А днём в Оренбурге будет тепло!»

Будет тепло. Среди тёмно-золотых деревьев, уже принявших осень, будет тепло. Потому что осень — прекрасная пора! Особенно для тех, кто родился осенью. Особенно для меня.

Вадим Кулаков
(Орехово-Зуево)

Неспешно

Полупустой автобус лениво двигался к институту. Пожившее радио сонливо хрипело. Смирено наполнялись напрасным солнцем вечно холодные окна.

Александр давно заметил, что на этом маршруте уже несколько лет посменно работают всего два водителя. Один любил разгоняться и прыгать по кочкам, отчего головы ворчливых пассажиров забавно стукались и плакали дети. Другой водил медленно, словно прочитывая что-то, процеживая каждую строчку асфальтовой поэмы.

За окном — прятная осень. Деревья и дорожки — влюблённые. Небо — спасшийся котёнок.

Саша сильно опаздывал на пару с деканом: опять слушать назидания, робко стоять у двери, как школьник. Но это укрепляет смирение, а смирение прекрасно.

— Вы уснули там, можно быстрее? — пытался разогнать полудрёму недовольный женский голос откуда-то сбоку.

— Нет, — отвечал водитель и растворяющееся в мягкой желтизне Сашино сознание.

Полина Михайлова
(Москва)

Осень по старому стилю

В вечер, плотный, как хиджаб, и сухой, четырнадцатого сентября, мы с семьёй играли в покер. Техасский холдем. На узенькой кухне, похожей более на коридор, сидели четверо: папа, мой муж, я и дед. Играли на конфеты.

— Не просто конфеты, а сосательный дюшес, — поправлял дедушка.

Он говорил нам, что плохо слышит, но мы никогда этому не верили.

«Всё, всё слышит, просто притворяется глухим, чтобы выигрывать», — шепнул мне однажды, вставая наливать чай и касаясь животом в футболке моего живота в свитере, муж.

На английском не говорили. Все иностранные слова были скрупулёзно заменены на русские. Трогались со смешным звуком «т-т-т» друг о друга карты. Шуршала кондитерская фольга (ставки имели обыкновение съедаться), ветер сопел в окно.

При входе в папин дом я не сняла прохудившиеся от вчерашнего ливня лодочки. Единственный за сентябрь дождь сделал их расклеенными и морщинистыми. Если бы в их уделе была большая концентрация несчастий, они бы выдержали? Наверное.

— Пойду, пойду ещё конфет возьму, — протянул дед, двигая от себя последнюю ставку.

В окно ударились лимонно-дюшесовые листья, и они были по цвету совсем как конфеты. Дверь хлопнула: «возьму» у деда значило «куплю».

Никогда не думала, что осень может быть такой. Мне повезло пуще лодочек: после бед я стала лёгкой и заслужила спокойствие на всю мелькавшую впереди жизнь.

— Внучка, ещё не осень, — сказал дед, когда вернулся, имея в виду, что миру, по большому счёту, всё равно на календарь, — по старому стилю.

Александр Кузнецов (Оренбург)

Эдем

Осенний Эдем был красив. Толстые стволы деревьев с широкими кронами подпирали небо. Адам любил этот день. Да-да, вы не ослышались, всего один день. В раю было вечное лето. И только три дня в году было отведено на всё остальное.

Господь подарил Адаму осень после того, как от него ушла Лилит, чтобы показать, что есть события, когда всё увядает, зиму в знак душевной гибели Адама и весну в знак возрождения.

Адам свернул на одну из соседних троп и увидел Еву; она шла к нему, улыбаясь.

— Хочешь есть? — спросила Ева.

— Я хочу твои сладкие губы, — ответил Адам.

— А я хочу ощущать на твоих губах вкус свежего яблока.

— Хорошо, — согласился он.

Он вгрызся в сочный дар природы. И грянул гром.

— Оно с запретного дерева! — крикнул Адам. — Зачем ты дала мне его?

— Это не жизнь, — отвечала Ева. — А я просто хотела жить. У меня есть всё, кроме одного. Я никогда не держала на руках твоё дитя.

Адам молчал.

— Ты знал, что в это время здесь не может быть яблок. Зачем же ты взял его? — удивлённо спросила Ева.

— По той же причине. Ты никогда не держала на руках моё дитя.

Екатерина Харитонова (Москва)

Сорок вторая комната в Доме Студента на проспекте Вернадского

Земля проснулась, встала дымом и громыхнула. Стёкла общежития напряглись от этого толчка, как мышцы тяжелоатлета, но удержались, не выпали. Молния была почти осязаема: волосы на макушке взлетели в воздух антеннами, улавливающими ток. В них запуталась готовая разразиться очередным раскатом гроза.

Начиналось лето. Мы сидели в сорок второй комнате ДСВ, тесной и душноватой от предчувствия бури. Он погладил гитару

и ударил по струнам так, будто в мыслях была совсем не музыка. У гитары красивый изгиб, тонкая талия и древесина цвета женского бедра.

Напротив нашего окна — стена и балкон. Корпуса прижаты так тесно друг к другу, что между ними можно натягивать верёвки для сушки белья. На балконе иногда курят люди; они с любопытством заглядывают в комнату, надеясь застать чью-то тайну. Кто проектировал ДСВ — загадка; очень жестокий человек, мы уверены.

Лето подступало счастливым горячим облаком; от одного взгляда на улицу обжигало электричеством и какой-то дикостью. Небо торжествующе пролилось: оно долго несло ливень через МКАД до нашей крыши. Капли поползли вверх по стеклу в надломленной деревянной раме и взмыли в небо.

Он каждый раз говорил, что в этом нет ничего удивительного, — между стенами, которые расположены близко, потоки воздуха дуют во все стороны: иногда вверх, иногда вниз или вбок. Я молчала, потому что не знаю физики, но мне казалось, что в сорок второй комнате ДСВ время идёт в другую сторону. Его кто-то сматывает, как киноплёнку, всякий раз, когда мы сидим друг у друга в гостях, играем на гитаре или готовим оладьи. Вот и теперь, глядя на идущий вниз головой дождь, я формулировала сложную, пока не оформившуюся мысль, которую произнести страшно, но когда-нибудь придётся.

Опять промолчала — вдруг не поймёт. Пригладила рукой наэлектризованные чёрные антенны на его макушке и закрыла форточку, мимо которой проносились вверх капли и минуты.

На дворе был октябрь. А для нас начиналось лето.